

A futuristic space-themed poster. In the center, a woman with dark hair is wearing a glowing, neon-colored helmet and goggles. She is looking forward with a serious expression. The background is a vibrant, multi-colored space scene. To the left, a large, reddish-orange planet with a dark, cratered surface is visible. To the right, a white spaceship with a blue laser beam is shown. The overall color palette is dominated by reds, blues, and yellows, creating a sense of depth and mystery.

СЕРГЕЙ СНЕГОВ
ЭКСПЕДИЦИЯ
В ИНОМИР

SERGEY SNEGOV
EXPEDITION TO OTHERWORLD

Сергей Снегов

Экспедиция в Иномир

«СОЮЗ»

1983

Снегов С. А.

Экспедиция в Иномир / С. А. Снегов — «СОЮЗ», 1983

ISBN 978-5-6050127-6-4

Четверых прославленных космонавтов выбирают для самой необычной экспедиции в истории космонавтики...

ISBN 978-5-6050127-6-4

© Снегов С. А., 1983

© СОЮЗ, 1983

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	17
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сергей Снегов

Экспедиция в Иномир

© Т.С. Ленская
© Е.С. Ленская
© ИП Воробьёв В.А.
© ООО ИД «СОЮЗ»

Часть первая

Мир не по Аристотелю

Глава первая

Путешественники в дзета-пространство

1

Отчет послан в центр. Мы четверо можем лечиться и отдыхать в полную силу. Николай ворчит, что отдых мощностью в десять лошадиных сил ему неважно. Вчера он объявил врачу:

– Полный курс лечения в вашей санатории могут вынести только отменные здоровяки.

Что до меня, то на второй день в санатории я сказал друзьям:

– Считайте себя жертвами медицины и покоритесь!

Артур и Жак без энтузиазма смирились. Я веду себя безукоризненно, по самым строгим врачебным правилам: хожу, лежу, сплю, просыпаюсь, натираюсь, вытираюсь, охлаждаюсь...

В строжайшем режиме выздоровления имеется существенная недоработка, и я ею воспользовался: больным не запретишь думать. Под моей подушкой лежит мыслеграф, он записывает все, что мне взбредет на ум. А в уме моем оживают детали экспедиции в миры иных измерений, я все снова возвращаюсь к пережитому. Отчет составлял Артур, мы помогли ему и потом трое скрепили своими голосами, я первый «расписался» – так по-древнему именуется эта операция превращения пленки в официальный документ. Артур гениален, но педант. Могу лишь пожалеть экспертов Института Иномиров, когда они примутся расшифровывать его абстрактные рассуждения по любому мелкому конкретному поводу. Выслушать Артура способен и профан, но понять его могут лишь те, у кого лоб шире плеч. Это мое личное мнение. Я его никому не навязываю. Теоретические объяснения я часто пропускаю мимо ушей, они выше моего понимания. Но к деловым выводам не только прислушиваюсь, но и стараюсь превратить их в практические действия; в выводах он редко ошибается. Жак, его сокурсник и давний помощник, как-то рассказал, какой конфуз вышел на защите Артуром докторской диссертации. Профессор Нолайер, тот самый – знаменитость, автор теории ротоновых ливней, взрывающих вакуум, – махал на трибуне руками, как крыльями, и чуть не со слезами признался:

– Впервые встречаюсь с таким парадоксом: все теоретические предпосылки диссертанта – полный вздор. Все его выкладки – галиматья пополам с ерундой, а окончательные результаты до невероятия верны, я каждый проверял своим методом и обнаружил, что все они неправдоподобно точны.

Вот таков Артур Хирота, теоретик нашей экспедиции. И я собираюсь заново, не торопясь, задерживая в воспоминании любое событие, то шире, то уже реального времени его существования – как мне пожелается, – повторить нашу экспедицию в иномиры. Нет, это высшее из удовольствий – зная наперед, что будет в следующую минуту, все снова ждать с опасением, с тревогой, с радостью эту уже не загадочную следующую минуту. Каждому суждена лишь одна жизнь. В воспоминании мы можем прожить нашу единственную жизнь многократно – преимущество, каким не следует пренебрегать.

Итак, я вспоминаю начало экспедиции в дзета-пространство. Наш «Орион» в те дни вернулся на Латону из ближнего рейса – обследовали подходы к «черной дыре» Н-115. Задание

было простенькое: установить кривые безопасного пролета мимо этого грозного местечка, расставить на трассе автоматические планеты-маяки и определить, что же таится за разверстыми воротами в неведомое, куда уже были втянуты звездолеты «Дракон» и «Медея», – они лишь успели сообщить, что гибнут, внезапно захваченные неведомым исполинским полем. Границы допустимого пролета мы начертили быстро, активного вещества в трюмах «Ориона» в избытке хватало, чтобы скатать дюжину планеток-маяков в дополнение к крутившемуся там шатуну Немесиде, а что до мощности «черной дыры», то мнения наши разошлись: приборы показывали, что на этом месте сколлапсировала звезда средних размеров, а наш астрофизик Николай Дион доказывал, что в преисподнюю рухнуло целое звездное скопление в миллион или два светил, – некоторые наблюдения допускали и такое экстравагантное заключение.

Я честно зафиксировал в отчете расхождение оценок и приступил к тому, что на Латоне именуется плановым отдыхом. У меня не было сомнений, что через одну-две недели «Орион» срочно загрузят доверху активным веществом, разыщут меня, в каком бы уголке латонских рощ я ни прятался, и предпишут срочно мчаться куда-нибудь к Тельцу или Гончему Псу, чтобы и там вокруг новооткрытой дыры в космосе расставлять маяки и прокладывать трассы безопасности, – скоро четырнадцать лет, как я только этим и занимаюсь.

Но меня разыскали не через две недели, а на пятый день. И не строгий начальник базы, а непоседливый Николай. Он примчался на пляж, где я мирно жарился под двумя дневными солнцами, и еще издали заорал, чтобы я немедленно поднимался.

По-моему, в мире нет лучшего местечка для ничегонеделания, чем Латона: два бело сияющих дневных солнца, три темно-красных ночных, полноводные реки, роскошные леса и такой ароматный воздух, что его хочется жевать или пить, а не равнодушно засасывать в легкие. Просто удивительно, что именно на такой райской планете разместили Главную Галактическую базу со всеми ее космическими заводами, станциями связи и прочим хозяйством: чтобы понежиться в стороне от гула машин, нужно теперь улетать на сотню километров.

Увидев Николая, я повернулся к нему спиной. Он так торопился, что песок, разбрасываемый его каблуками, жалобно визжал. Я закрыл глаза и притворился, что похрапываю. Николай воскликнул:

– Казимеж! Неужели тебя не интересует, для чего я примчался? Ты же знаешь, я не терплю валяться на грунте.

– До свидания! – пробормотал я. – Доклад переносим на завтра. Не застилай левого солнца.

– Слушай, Полинг! – возгласил он торжественно. – На Латону прилетели Артур Хирота и Жак Бангалур.

– Я это перенесу. Передай им привет. Скажи, что встретимся через пять лет на Земле. – И снова закрыл глаза.

– Не спи, Полинг! – Он потряс мое плечо.

Я вскочил и с упреком заметил, что в добрые старые времена подчиненные относились к своим начальникам гораздо почтительней. Он возразил, что на отдыхе я ему не начальник, а друг, а с другом можно и не церемониться.

– И вообще, ты больше не будешь надо мной начальствовать, – объявил он с воодушевлением. – Дело в том, что Земля разрешила экспедицию в дзета-мир. Именно для ее организации и появились на Латоне Артур и Жак. Проектируют в эту экспедицию и тебя: Артур просил разыскать и без промедления доставить тебя к нему. В жизни не видел более бесчувственного человека, чем ты, Казимеж! На твоём месте я бы плясал от восторга!

– На своём месте я продолжу заслуженный честной работой отдых под двумя солнцами!

Я снова блаженно растянулся на нежном песке. Больше всего на Латоне люблю ее речные пески – красноватозолотые, мелкозернистые, мягкие, теплые... Я назвал песок нежным, это

не выпренивая похвалу, а сухая характеристика материала. Меня не тянуло бросить пляж. Что бы там ни навоображал себе Николай, Артур Хирота отлично обойдется и без меня.

Хорошо помню, что был в ту минуту безмятежно спокоен. Экспедиция в дзета-миры ни с какой стороны не могли коснуться меня. В мире не существовало человека, столь же далекого от нее, как я. Я просто слишком невежествен для такого предприятия. Иной любознательный школьник тут мог дать мне десять очков форы. Конечно, я знал, что любое материальное образование, называемое миром, характеризуется определенным числом измерений; и что под измерением понимается такой признак, без которого ничто в мире не существует; и что только миры с числом измерений, кратным четырем, по теории устойчивы; и что первый такой мир, альфа-мир, четырехмерный, «нижележащий», пока не открыт и неясно даже, существует ли он во Вселенной; и что наш мир, именуемый гамма-миром, восьмимерный, каждый предмет в нем характеризуется восемью координатами, тремя пространственными – длиной, высотой, шириной, одной временной, одной массовой и тремя энергетическими константами – ротонным объемом, бета-линией, корда-точкой; и что следующий по устойчивости мир, «вышележащий», дзета, обладает уже двенадцатью координатами, но никто из гениев Института Иномиров не может толково объяснить, что это за координаты. Вот и все мои знания по этому предмету.

Могу лишь добавить, что, в отличие от специалистов по иномирам, не умеющих объяснить высшие координаты дзета-мира с девятой по двенадцатую, я не способен дать объяснения и нашим трем космическим – ротонным, корда- и бета-измерениям: знаю, что они существуют, притворяюсь, что что-то в них понимаю, и стараюсь, чтобы мое понимание не подвергли серьезной проверке. Человек со столь высоким уровнем невежества не мог интересоваться виднейшего из теоретиков иномиров, каким со студенческой скамьи считался Артур Хирота. А меня соответственно не интересовали другие миры, с меня вполне хватало моего родного космоса, его я знаю, не хвалясь, досконально!

– Вставай – и полетели! – настаивал Николай.

Я хотел было послать его в преисподнюю двадцатичетырехмерного мира, есть, наверно, и такой, но только теоретики до него не добрались – можно вообразить, что за страх там преисподняя! Вдруг прозвучал сигнал вызова, и у кромки воды сфокусировался экран, а на экране возник улыбающийся Кнут Марек. Этот человек всегда улыбается, особенно когда говорит неприятности, – ехидней, но и беззлобней, а кстати, и умней существа, чем он, не знают на наших далеких планетах. Вероятно, поэтому он девятый год командует Главной Галактической базой, стаж прямо-таки мафусаилов: ни один из его предшественников не задерживался больше двух лет.

– Собери свои кости, старик, – сказал он сердечно, – и мчи ко мне. Хватит прохлаждаться!

Спустя час мы с Николаем входили к Мареку. Его кабинет – чудо космической техники: в нем люди сияют. Именно так – не освещаются со стороны, а порождают собственное свечение, и как утверждает Марек, соответствующее их характеру. Штуку эту изобрел астрофизик Павел Сидоров, погибший на «Медее» в черной пасти звездной «дыры» Н-115, марекровский кабинет остался единственным свидетелем технической фантазии несчастного астрофизика. В сумрачном зале передвигались три клубка света – ободряюще-золотой Марек, голубовато-синий, холодноватый Хирота, растроганно-салатный Бангалур, а к ним теперь добавилась настырная, стремительная оранжевость Николая и какая-то чудовищная комбинация из хмурого темно-красного и оживленно-язвительного зеленого – таким изобразило меня настенное зеркало.

– Садитесь, и начинаем, – ослепительно засияв золотой улыбкой, предложил Марек. – Мы слушаем тебя, друг Артур.

– Ты, конечно, знаешь, друг Казимеж, какую задачу поставили перед экспедицией в дзета-пространство, поэтому говорить об этом не буду, – так обратился ко мне Хирота.

– Я, конечно, не знаю ничего о задачах экспедиции. Поэтому, друг Артур, прошу поговорить и об этом, – учтиво отпарировал я.

Мне показалось, что он рассердился. В глазах его погасла голубоватость, в них зажглось что-то негодующесинее. Но он сдержался. В выдержке он превосходит нас всех. Думаю, в ней одна из главных причин его успеха: теории его вызывали столько нападков, часто несправедливых и злых, что без слоновьей стойкости от одних язвительных шуток можно было рехнуться. Сам он утверждает, что, в отличие от нас, хорошо воспитан, и цитирует при этом какого-то древнего мудреца: «Воспитанность – это умение делать свои недостатки нечувствительными для окружающих». Возможно, и так. Мои недостатки окружающие чувствуют.

Артур начал объяснение с таких азов, что я скоро потерял интерес к его речи. Я еще терпеливо выслушал, как наши предки открыли, что пространственный вакуум – вместительное колоссальной энергии; что делалось много попыток овладеть этой энергией; что в результате бесчисленных неудавшихся попыток установили восьмимерность нашего мира, хотя раньше его считали четырехмерным; что восьмимерности мало для вычерпывания энергии вакуума, характеризующегося тридцатью шестью параметрами; и что в результате всех этих исследований доказано наличие устойчивых, параллельно возникших из вакуума материальных миров; и что нижний наш сосед, альфа-мир, неинтересен, а второй, повыше, двенадцатимерный дзета, наоборот, захватывает воображение, ибо нас связывают с ним шесть общих измерений, а это обеспечивает надежный проход в тот мир; и что дзета-мир связан с вакуумом не восемью нашими измерениями, а ровно двенадцатью – это в полтора раза больше; и что полоторная связь, взятая в шестой степени – так почему-то надо, – обеспечивает ровно в четырнадцать раз более легкую возможность выкачивания энергии вакуума...

В этом месте я зевнул, но Артур, уставясь синеватопылающими глазами в пол, не заметил, как я воспринимаю его лекцию. По-честному, меня раздражали все проекты утилизации энергии вакуума. Человечество уже триста лет твердит, что хорошо бы поставить ее себе на службу и что для этого нужно лишь найти проход в сопряженные иномиры. Такие общие истины преподносятся каждому юнцу еще в школе, но практического значения не имеют, ибо самое важное неведомо – где находятся эти самые проходы в иномиры и как ими воспользоваться. О себе могу сказать следующее: я, пожалуй, больше всех налетал в космосе, но нигде не повстречал открытых ворот в миры иных измерений.

Чтобы больше не впасть в зевоту, я стал присматриваться к тому, кто как слушает. И меня вдруг заинтересовало одно забавное соответствие. На Земле давно забыли, что когда-то люди различались по национальностям. Уже к концу двадцать первого века человечество так перемешалось, что стало невозможно установить, какая у кого реально национальность. Но что существовали некие общие черты, называемые национальным характером, никто не оспаривал, просто и характеры перемешались, как и национальные языки, и национальные имена, и национальные обычаи. И вот я подумал, что все мы, сидевшие в фантастическом кабинете начальника Главной Галактической базы, являемся образцами смешения разных национальностей и смешение это отчетливо выражено и в наших именах и характерах.

Кнут Марек, отдаленный потомок скандинава и чеха, от своего северного предка взял высокий рост, светлые волосы, светлые глаза, упрямство и бесстрашие, а от серединно-европейского – насмешливость, почти язвительность, любовь к спорту – на Латоне он всех побивает в беге, – общительность и страсть к рукоесламу. Жак Бангалур, смесь итальянца с индусом, – огромный, лохматый, добрый, черноглазый, всегда погруженный в какие-то размышления и чувства, человек как бы не из мира сего. «Так всегда справедлив, что жутко!» – иронически характеризует Жака Марек. Николай Дион, полурусский-полуфранцуз, порывист, резок, стремителен, отчаянно инициативен, очень смел, очень придирчив и одновременно очень покладист, очень скепичен и очень поэтичен, и вообще ко всем его взаимно противоречивым каче-

ствам надо приставлять словечко «очень» – и мне кажется, тут тоже присутствуют рудименты характера предков.

Самый интересный из нас, конечно, Артур Хирота, удивительная комбинация из немца и японца – вежливый и непреклонный, глубокий мыслитель и энергичный практик, мастер заоблачных абстракций, художник и тонкий ценитель изящных вещей, то романтичный, то сентиментальный, то суровый до жестокости и самолюбивый до надменности, то настолько сдержанный, что мало кто догадывается о его честолюбии. Не знаю, что от кого он у предков взял, но что букет его свойств нетривиален, видно каждому.

И наконец я, Казимеж Полинг, что-то польско-английское или англо-польское, самый старый в нашей компании, все-таки тридцать девять лет, самый, естественно, именитый астронавигатор дальнего поиска, дважды заслуженный покоритель космоса, кавалер шести орденов, четырнадцати медалей, член трех академий, почетный член сорока трех или сорока четырех университетов, точно не помню – в общем, среди астронавигаторов фигура видная. А что до характера, то Николай, когда сердится, ругает меня примерно так: «Энергии и деловитости у тебя не отнять, но почему ты не отдался музыке, ты же любишь ее, вот бы играл на рояле или на скрипке, даже сольные концерты давал бы, и женщины смотрели бы на тебя еще влюбленней, чем сейчас, какая была бы тогда радость твоим нынешним подчиненным, которых ты бессовестно выматываешь!»

– ...удалось доказать, что проход в дзета-пространство лежит в окрестностях «черной дыры» Н-115, – услышал я вдруг и мигом оторвался от посторонних размышлений.

– Прости, друг Артур, я прослушал – кому удалось доказать?

– Мне, – холодно ответил он. – И кажется, я достаточно подробно изложил, как пришел к такой мысли и какие были дискуссии в Академии. Но теперь есть решение Большого Совета и с дискуссиями покончено. Межмировая экспедиция в дзета-пространство утверждена, трансмировой корабль «Пегас» спроектирован, основные части его уже доставлены на Латону. Здесь произведут сборку и испытание. Вероятно, это будет главной из твоих ближайших задач, друг Казимеж.

Ответ прозвучал почти как отповедь. Я спросил:

– Почему записали меня в вашу экспедицию, не поинтересовавшись, хочу ли я этого?

– Ты был в дальнем рейсе, с тобой не могли связаться своевременно. Исходили из факта, что в мире нет астрокapитана, столь же знающего Немесиду, как ты. Именно эта маленькая планетка неподалеку от Н-115 будет стартовой площадкой в иномиры.

– Еще одно учитывалось, – лукаво добавил Марек и пропел – впрочем, фальшиво – две строчки популярной на Земле песенки «Астронавигаторы Вселенной»: – «Вот он, Полинг, Казимеж Полинг, дальше всех побывавший, больше всех посмотревший, горше всех испытывавший».

– В экспедиции участвуют четыре человека: ты, я, Жак, четвертого ты подберешь по своему усмотрению, – продолжал Артур. – Мы, конечно, догадываемся, кого ты пригласишь, и заранее рады...

– Не сомневаюсь. Четвертый – Николай. У тебя, надеюсь, нет возражений, Николай?

Николай воскликнул «Да!» еще до того, как я закончил вопрос.

– У каждого члена экипажа будут свои обязанности, не так ли? Я хотел бы услышать о них, – продолжал я.

Холодный голос Артура стал почти ледяным, но не потерял своей неизменной учтивости;

– Начальник экспедиции и капитан «Пегаса» – ты, друг Казимеж. Я – теоретик, Жак – социолог, Николай – астроинженер. О твоём назначении имеется специальное решение Большого Совета.

В тот момент я бы голову дал на отсечение, что понимаю настроение Артура: он, нет сомнения, был оскорблен, что его, инициатора еще неслыханной экспедиции, назначили не руководителем, а только теоретиком ее. А насмешливый Марек не удержался от ехидства:

– Будешь протестовать, Казимеж? Ты ведь всегда протестуешь против почетных назначений, когда уверен, что протест отклонят.

– Нет, – сказал я. – Указы Большого Совета я не оспариваю. Но ты напрасно так радостно ухмыляешься. Кому-кому, а тебе придется пожалеть, что я начальствую экспедицией. Когда, я не понял, начнется сборка трансмирового корабля «Пегас»?

Марек сразу стал серьезным. Мгновенные переходы от шуток к делу он совершал артистически.

– Уже идет. С проектом корабля можешь ознакомиться в любую минуту. Работы на стапелях осмотришь после изучения проекта.

2

Мы с Марексом сидели в служебной конторе на Немесиде, когда в нашу крохотную комнату ворвался Николай и радостно крикнул:

– Казимеж, как я тебе нравлюсь? Костюмы присланы с рейсовым звездолетом. Я попросил выдать один на пробу.

Он стоял перед нами в полном облачении разведчика иномиров. И я и Марек знали об этой одежде только по присланным заранее инструкциям и картинкам и теперь с интересом рассматривали ее, щупали, пробовали растянуть.

Гибкий скафандр, облежавший тело Николая, был так прозрачен в оптическом спектре, что казался невидимым. Зато его не пробивали ни пули, ни шальные метеориты, он был непроницаем для жестких лучей и инфракрасного излучения. Скафандр надевали на балерин – и балерины танцевали, не ощущая стесняющей их одежды. В нем спускались в недра, вулканов, погружались на дно морей – люди и в адском пекле и под колоссальным давлением работали, как на зеленой лужайке, – так утверждали проспекты фирмы, изготавливающей эти космические доспехи.

С правого бока Николая висел главный помощник косморазведчика, небольшой, с кулак, ротонный генератор, механизм столь исполинской мощности, что запросто мог бы превратить в облачко плазмы многоэтажный дом. Генератор создавал охранные поля – люди становились недоступны для всех форм излучений и неуязвимы для всех материальных частиц, кроме ротоннов, основы более крупных структур материи: квантов пространства, гравитонов, нейтрино, фотонов, а также таких сложных образований, как ядерные частицы. Энергия для ротонного генератора поступала с трансмирового корабля. Пока канал связи действовал, людей оберегали механизмы «Пегаса», мы сохраняли автономию в любом иномире даже в условиях ядерного распада. Так, во всяком случае, обещал все тот же фирменный проспект.

Шею Николая лентой охватывал универсальный дешифратор, по виду простая полоса. По инструкции, этот дешифратор смотрел человеческими глазами, слушал человеческими ушами, улавливал человеческие эмоции и мысли. Все формы речи разумных существ – звуковая, цветовая, кинетическая, электромагнитная, радиоактивная, гравитационная, термическая, компрессионная и другие – быстро раскодировались прибором. Им с успехом пользовались при разговорах с земными пчелами, рыбами с планет Денеба и мыслящими папоротниками на Фомальгауте – человек и его собеседники превосходно понимали друг друга. На «Орионе», моем старом корабле, тоже имелись такие приборы, но нам ни разу не пришлось ими пользоваться: в районе «черной дыры» Н-115 никакой жизни, тем более разумной, мы не открыли.

На шлеме скафандра размещались очки-светофильтры. С их помощью можно было не только рассматривать отдаленные предметы, но и защищаться от любых не чрезмерно сильных

излучений, а при нужде и ослеплять противника вспышкой тысячекратно усиленного взгляда. Как-то, еще на Латоне, Николай лихо ударил Жака глазами – Жак долго не мог прийти в себя. Больше Николай уже не шутил и только раз еще пустил в ход свою оптику. Он задумал прогуляться в скафандре по заказнику первобытной природы и повстречался там нос к носу с тигром. Тигры на Латоне крупней и свирепей земных. Зверь прыгнул на Николая, Николай злобно скосился на него светофильтрами. Тигру удалось отчаянным усилием вывернуть свое тело в воздухе. Сломая голову он удрал от страшилища, опаляющего глазами.

– Красавец! – с восхищением сказал Марек. Это относилось к скафандру. Но Николай принял оценку на свой счет и прямо-таки засиял от тщеславия.

Марек предложил пойти к «Пегасу». Мы зашагали по каменистой Немесиде к стартовой площадке. Я хочу сказать несколько слов об этом клочке материи, куда мы перебрались с Латоны. Немесиду открыл я во время поисков места гибели звездолетов «Дракона» и «Медея». Мы натолкнулись на нее случайно. Локаторы «Ориона» вначале показывали лишь облачко пыли или газа, наш штурман не сомневался, что мы промчимся сквозь это облачко, не почувствовав сопротивления, как уже не раз проносились сквозь другие туманные скопления. И только когда внезапно включились тормозные двигатели, а рейсовые автоматы круто изменили курс, мы поняли, что собирались на полном ходу врезаться в груды камней и металла размером с земную Луну.

Я назвал космический шатун Немесидой, именем древней богини возмездия, в предостережение астронавтам: кто здесь хоть на короткий срок потеряет навигационную бдительность, рискует катастрофой. Мы тогда думали, что «Дракон» и «Медея» разбились о Немесиду, их последняя депеша давала координаты именно этого района. Лишь обнаружив неподалеку «черную дыру», куда некогда ухнуло какое-то светило, если не целое звездное скопление, мы узнали истинные причины гибели. Но грозное название для космического шатуна осталось. Если бы я знал, что нам здесь предстоит стартовать в загадочный дзета-мир, я придумал бы название более обнадеживающее.

Хочу отдать должное Мареку. За короткий срок, пока на стапелях Латоны собирали «Пегас», он придал Немесиде вполне жилой вид – повесил километрах в десяти над стартовой площадкой рабочее солнце, плазменный шар, сгорающий в термоядерном жару, смонтировал космическую атмосферную установку – воздух вполне приличный, – окружил планету озоновой крышкой, возвел живые домики и мастерские, оборудовал станцию связи, в общем, поработал. Работает он хорошо, хотя меня порой сердит его педантичная привычка каждую операцию прогонять по десятку раз, каждую деталь стократно ощупывать. Попробовал бы он так вести себя в рейсе, когда нужно принимать неожиданные решения, а времени на них если сотая доля секунды – хорошо! Впрочем, в институте он провалил экзамен на космоштурмана и долго потом с огорчением о том вспоминал, пока не утешился славой выдающегося космоадминистратора.

На каменной площадке, упираясь в нее острием, чуть покачивалась гигантская сигара «Пегаса». Корабль мог повиснуть и на любом отдалении от грунта, но Марек захотел инженерные испытания провести именно так. «Пегас» отбуксировали на Немесиду месяца четыре назад совершенно готовым, но наладчики все возились с ним. Неподалеку стояли Артур и Жак – они всюду ходят вместе. Жак пожал руку каждому, Артур лишь кивнул и отвернулся. Он изучал внешний вид «Пегаса», больше не обращая на нас внимания.

На трансмировом корабле шли испытания оптической защиты. «Пегас» то сверкал и светился, то стирался во что-то темное, был то зеленым, то синим, то сумрачно-фиолетовым, то обжигающе-оранжевым. Временами его оболочка накалялась до нестерпимости, только Николай с его светофильтрами мог переносить эту яркость, а мы дружно опускали головы. В какую-то минуту Марек объявил, что сейчас «Пегас» погрузится в невидимость. И точно, корабль вдруг исчез. Он был, и его не было. Сквозь него светили звезды, километрах в тридцати натя-

гивал швартовы огромный «Нептун», звездолет старой конструкции: он был до этого мига прикрыт корпусом «Пегаса», теперь мы его отчетливо видели.

– Каково? – похвалился Марек с такой гордостью, словно он был главным конструктором «Пегаса», хотя молчаливый Артур с гораздо большим правом мог претендовать на это звание. – Вы видели только экранирование первой степени, а если полное? Будете ходить сквозь корабль, не подозревая, что тут что-то стоит!

– Ты уже испытал полное экранирование? – поинтересовался я.

– Неоднократно! Вы еще прохладались на Латоне, и Артур читал вам лекции по теории полета в иномиры, когда мы на Немесиде совершили первое полное опробование. Все механизмы, все параметры хода на должной высоте, можете не сомневаться.

– Так в чем же дело, Марек? – загремел я. – Объявляй немедленно стартовую готовность!

Он так махнул завитыми золотистыми лохмами, словно хотел смести нас с планеты. Он удивительно меняется, Кнут Марек, когда переходит от веселого хвастовства к деловым распоряжениям. Николай утверждает, что в нем в эти мгновения дикий викинг валит наземь мастера-весельчака. Я думаю, что и сами дикие викинги вот так же менялись, когда среди бесшабашного застолья раздавался сигнал тревоги, и они от пиршественных столов кидались к мечам.

– Полинг, прекрати! Стартовая готовность будет объявлена не раньше, чем все будет готово.

– Значит, дня через два-три? – с надеждой осведомился Николай.

– Через месяц! А будете приставать, накину еще недели две. Нетерпение не относится к числу навигационных добродетелей. Воспитывайте осторожность и благоразумие в наших родных восьмимерных краях, прежде чем провалитесь в двенадцатимерные миры!

И эти прописные истины он высокопарно вещал мне и Николаю, за пятнадцать лет наших космических странствий избороздившим все звездные окрестности Солнца без единой аварии, в то время как его собственный навигационный стаж исчерпывался двумя-тремя прилетами на Латону и Немесиду!

Правда, он при этом весело подмигнул мне.

3

Стартовые испытания мне запомнились как затянувшийся пышный спектакль. Двадцать миллиардов людей на планетах Солнечной системы и окружающих звезд смотрели сверхсветовые – на ротонах – передачи с Немесиды. В эти дни Марек чувствовал себя не председателем стартовой комиссии, а театральным режиссером и придумывал все новые эффекты. Он был весел, говорлив, безмятежно уверен в успехе. Я бы соврал, если бы сказал то же о себе. Даже Артур нервничал, а это кое-что значит.

Хорошо помню последний день испытаний. В трансмировом корабле заперлись два инженера и Николай. Артур, Жак и я сидели на наблюдательной площадке. Марек на помосте то размахивал руками, то кричал в стереофон. Он обернулся к нам и весело помахал рукой – пожалуй, единственный в тот день его жест, не являвшийся командой.

– Готовьтесь, друзья, начинаем!

В ту же секунду «Пегас» исчез. Мы видели эту картину уже добрый десяток раз и все не могли привыкнуть к тому, что корабля нет на том месте, где он стоял уже полгода. Сквозь его мощный корпус, в самом центре «Пегаса», поблескивала крохотная звездочка пятой величины, наше далекое Солнце, – родина человечества была в нескольких парсеках. Марек показал рукой на батареи аппаратов, похожих на древние орудия, – их жерла нацеливались на исчезнувший «Пегас». Два оператора, командовавшие аппаратами, проворно что-то крутили. Мы знали, что в это мгновение на корабль обрушиваются радиоволны, лучи обычной оптики, гамма-

кванты, потоки микрочастиц, легко взрывающих атомные ядра, но на экранах даже контура корабля не возникло. Один из аппаратов был генератором волн пространства, его включили отдельно – даже эти волны, безошибочно фиксирующие любое излучение, любой вещественный объект, обтекали экранированное судно. «Пегас» словно выпал уже из пространства, для рассеяния которого его создали. Перед нами простиралась пустынная каменная площадка. Лишь где-то вдалеке тускло поблескивал в лучах искусственного солнца обреченный на уничтожение звездолет «Нептун».

Марек повернулся к нам. В это мгновение нас троих показывали землянам, и он ничего не имел против того, чтобы зрители увидели и его ликующее лицо.

– Экранирование – полное. Сейчас мы это проверим. Выводим курдин. Не возражаешь, Полинг?

Вопрос был задан для зрелищного эффекта. Я не мог ни запретить, ни разрешить, испытанием командовал Марек. Мне надо было спокойно сказать «да», но я все же помедлил с ответом. Курдинные удары по «Пегасу» проводились и раньше и неизменно завершались удачей – мощный поток фотонов пронесся сквозь экранированный корабль, как сквозь вакуум. Не было оснований думать, что сегодня пойдет по-иному. Но тогда рисковали лишь пустым кораблем. Сегодня же в трансмировом судне сидели люди.

К стартовой площадке подползло приземистое сооружение – десятиметровый курдин, самое грозное оружие, когда-либо создававшееся человечеством. В обзорной башне сидели три инженера у боевых пультов. Жак поежился, Артур что-то пробормотал, я затаил дыхание: когда один из троих нажмет на красную кнопку атаки, а два других – на зеленые кнопки выхода, многие тонны массы, мгновенно аннигилируясь в объятиях антивещества, вынесутся наружу в истребительном лучевом залпе.

Передний конец курдина сделал поворот, на нас зловеще блеснуло выходное отверстие. Потом оно повернулось на центр экранированного корабля. На оси курдина теперь находился также и звездолет «Нептун».

Чтобы разрядить напряжение, я сказал Артуру и Жаку:

– Между прочим, у меня на «Волопасе», когда я шел в созвездие Девы, была такая штука, только поменьше – пятидюймовый боевой курдин. В районе безымянного желтого карлика, вроде нашего Солнца, на нас чуть не налетел шальной астероид. Вы бы посмотрели, как он разнесся облаком газа и пыли, когда мы выпалили из пятидюймовки! А из этого страшилища, думаю, можно разнести планетку с Луну...

– Как ты расправился с тем астероидом, мы видели в стереопередачах, – сдержанно отозвался Артур.

«Пегас» внезапно возник из невидимости. В распахнувшемся люке показалось возмущенное лицо Николая.

– Чего вы тянете, друзья? Уже полчаса назад вы должны были попытаться разложить нас на атомы.

Марек махнул на него рукой: экранирование восстановилось. Минуты две заняла вторичная проверка его полноты. Затем Марек подал команду бомбардирам. Вынесшийся из курдина поток энергии остался невидимым – защитные механизмы станции надежно гасили боковое рассеивание. И на стартовой площадке ничего не произошло: световой столб, исторгнутый курдином, прошел словно бы абсолютную пустоту. Зато в отдалении ослепительно вспыхнул «Нептун».

Из невидимости снова возник невредимый «Пегас». В окне улыбались Николай и наладчики.

– Переходим к последнему этапу испытаний – термоядерной обработке, – объявил Марек.

На площадке появились старинные суперядерные орудия, доставленные на Немесиду из земных музеев. Каждый выстрел из такого страшилища мог испепелить миллионный город. Марек весело пообещал зрителям, что смертоубийственные чудища наших предков принесут трансмировому кораблю меньше вреда, чем детская хлопушка астрономической башне. Жак, обеспокоенный грозным видом аппаратов, сказал, что хорошо бы нам удалиться в укрытие. Артур успокоил его:

– Мы защищены от ядерных взрывов столь же надежно, как от курдинных ливней. А «Пегаса» для ядерных орудий просто не существует.

Термоядерный обстрел был, конечно, самой легкой из проверок – скорей фейерверк, чем испытание. Жака тревожила психологическая привычка, доставшаяся нам от предков, – страшиться термоядерных средств истребления, – а не реальная опасность самой операции. Внешне она, правда, получилась внушительней, чем курдинный залп. На месте, где скрывался невидимый «Пегас», взвился огненный столб, сверкающее пламя ринулось вверх, крутилось, кипело, из него поднялся черный гриб испепеленного вещества, из гриба посыпался раскаленный прах. Площадки, пощаженной промчавшейся над ней световой трубой, больше не существовало – гигантская яма дымилась на стартовой территории. Марек ликовал. Спектакль вышел на славу.

– Теперь я поднесу трансмировым навигаторам подарок, который пока держал в секрете, – недавно привезенные ротонные бинокли.

Марек передал нам по прибору странной формы – две полусферы, соединенные перемычкой. Мы надели их на шлемы. Полушария прикрыли почти всю лицевую сторону шлема. В самом фокусе взрыва, в пламени и прахе радиоактивного распада, висел «Пегас». В окне хохотал Николай.

Марек – для зрителей – подвел итог испытаниям:

– Как видите, все виды волн и все частицы, кроме ротонов, обтекают «Пегас». Искривление пространства вокруг корабля столь совершенное, что даже полная аннигиляция этой планеты не могла бы ему повредить. «Пегас» сохранит свою автономность и в мире иных измерений. Трансмировые пассажиры в своих силовых скафандрах тоже пользуются автономией, но в меньшей степени.

– Он, кажется, думает, что ротонов в иных мирах не существует, – иронически заметил Артур. – Конечно, это частицы, искусственно выделенные людьми, и в свободном состоянии их не встретишь, но суть-то в том, что именно они – единственный надежный канал, соединяющий космос с дзета-пространством.

Он улыбался – явление настолько редкое, что я мог бы перечислить все случаи, когда видел его улыбку. Он радовался успешному испытанию своего трансмирового детища. Я тоже радовался, но промолчал. Все относящееся к ротонам мне далеко не так ясно, как Артуру, а продемонстрировать свое невежество я не любитель.

Марек подошел к нам.

– Полинг! – сказал он на этот раз, кажется, только мне одному, а не двадцати миллиардам стереозрителей. – Дорогой мой Казимеж, поздравляю! Земля вручает тебе воистину замечательное сооружение!

Санитарным механизмам понадобилось с полчаса, чтобы погасить пламя и засосать в свои недра термоядерный пепел. Только огромная яма на бывшей площадке напоминала об испытании. «Пегас» снова вынырнул в видимость и свободно парил над ямой. К выходному люку корабля подлетела авиетка. Вскоре к нам присоединился Николай. Жак с удовольствием втянул в себя воздух.

– Люблю твои духи, Николай. Возьми их в рейс побольше.

– Взял целый ящик – хватит и для нас, и для двенадцатимерных дзета-мирян.

Чтобы привести Николая в хорошее настроение, лучше всего похвалить его духи. Это единственное изобретение, авторство которого он не делит ни с кем. На Кремоне, страшнова-

той планетке в системе Ригеля, – там мы высаживались три раза – он нашел красно-зеленый минерал, на Земле неизвестный. Хозяйственной ценности минерал не приобрел, но, растворенный в спирту, испускал приятный резковатый запах. «Одушевляюще, я бы даже сказал, организующе пахнет!» – хвастался Николай, демонстрируя первую порцию своих духов. Он оказался прав в самом прозаическом смысле: духи повышали тонус, их потом так и называли: «Стимулирующая эссенция с Кремоны». Николай всюду теперь появляется в легком облачке своего «бодрящего аромата». А в день курдинных и термоядерных проверок он израсходовал столько «стимулирующей эссенции», что она ощущалась за километр.

– Сдаю полномочия! – торжественно сказал Марек. – С этой минуты командуешь ты, друг Казимеж Полинг.

– В таком случае через часок мы отбываем! – Я постарался, чтобы ответ прозвучал буднично.

Марек, мне казалось, исчерпал все запасы торжественности, отведенные для нашего путешествия.

О самом старте вспоминать не буду. Нам Недавно рассказывали, что он произошел мгновенно: ни инженеры Немесиды, ни двадцать миллиардов зрителей не заметили мига выпадения «Пегаса» из космоса. «Провалился, как привидение в преисподнюю!» – с восторгом прокомментировал Марек исчезновение «Пегаса». Что до меня, то не нахожу в этом ничего удивительного. Удивительно было бы, если бы совершалось как-нибудь по-другому.

Глава вторая Загадочный купол

1

Вокруг была темнота, и в темноте кто-то плакал. Меня раздражал этот нудный плач, он длился уже столетие, к тому же был так громок, что болело в ушах. Надо бы приподняться, сердито прикрикнуть. Нельзя же так распускать свои нервы, хотел я сказать, хватит истерик. Я, капитан трансмирового корабля «Пегас», запрещаю лить слезы на борту!

Но, понимая, что надо делать, я ничего не мог сделать. Не было сил пошевелить рукой, приподнять голову. Я мог только думать о крике, но не кричать. Я перестал быть чем-то единым, шевелились руки где-то в стороне, ног больше не было, а голова самостоятельно витала в пространстве. Прежде чем соберу себя самого в нечто цельное, нечего и думать о приказах. Я сделал величайшее усилие и приподнял веки. Веки были подобны стальным плитам, я ощущал их безмерную тяжесть, они снова упали, я их снова поднял. И внешний мир вдруг вошел в меня. Я полулежал в кресле, рядом в таких же креслах покоились в беспмятстве Артур и Жак, на полу скорчился Николай, он тихо стонал – этот жалобный стон и показался мне набатно громким рыданием.

Я пошевелил ногой, сделал движение рукой, приподнял голову. Все было на своих местах, все действовало – голова, руки, ноги. Я с трудом подобрался к Артуру и толкнул его. Он сразу пробудился – приподнялся, осмотрелся, деловито пробормотал «Ага!» и вытер лицо платком. Жак, придя в себя, зевал, вздыхал, обеими руками чесал мощные кудри. Трудней пробуждался Николай. Он, правда, перестал стонать, но только вытянулся, перевернулся с бока на живот и невнятно сообщил, что еще полминуты подремлет.

– Почему полминуты, а не столетия? – хладнокровно осведомился Артур. – Время в дзета-мирах течет с иной скоростью, чем в космосе.

Услышав о дзета-мирах, Николай вскочил на ноги и метнулся включить обзорный экран. Я еле успел остановить его. Он действует слишком импульсивно. Поступок у него обгоняет мысль. На «Орионе» его и близко не подпускали к рейсовым аппаратам, чтобы в неожиданном порыве он не спутал себя со штурманом или командиром звездолета. Я предложил всем занять свои рабочие места.

– Итак, мы живы, – констатировал я. – Но где мы?

– Чтобы это выяснить, нужно все же включить экран, – резонно заметил Артур.

Я положил руку на аппарат включения обзора. Рука подрагивала. Мы знали, что никакие внешние излучения нам не грозят, но в тот момент я не был уверен, что на нас не ринутся смертоносные лучи, чуть мы включим прозрачность.

На засветившемся экране открылся странный, но не столь уж невероятный мир. Картина необычная, но не фантастичная: туманно-голубоватая равнина, а на пределе видимости не то здание, не то холм – темная грудa с размытыми очертаниями. Было светло, но не по-земному: то, что казалось почвой, светило ярче, чем то, что имело вид неба. Границы между верхом и низом не было – в пейзаже недоставало горизонта.

– Мир вроде вещественный, хотя и мутный, – с удивлением установил Жак. Он ожидал чего-то совсем диковинного.

Артур с сомнением смотрел на туманную равнину.

– Геометрические координаты, по теории, здесь не фундаментальны. И может отсутствовать пространственная перспектива – важнейшая черта космоса. Как думаешь, Казимеж, оправдывается это?

Артур, похоже, ждал от меня подробного анализа природы развернувшегося пейзажа. Но я напомнил, что теоретиком экспедиции является он и, стало быть, сам должен растолковать нам, что к чему.

Он не заставил просить себя вторично. Он констатировал, что выпадение из галактического пространства удалось. Окружающий нас дзета-мир физичен, но вряд ли предметен в нашем смысле. Здесь мы должны повстречаться со взаимодействием полей, а не с вещами четких геометрических форм. Возможно, и течение времени трансформировано. Непосредственно окунуться в переплетения таинственных сил этого мира небезопасно. Всем выходить наружу не следует, один должен остаться в корабле и держать с вышедшими ротонную связь, страхуя от катастрофы.

– Согласен. Будем готовиться к выходу. Кто остается?

– Только не я, Казимеж! – Николай даже вскочил с кресла для убедительности. – Хочу побегать в невещественном пространстве. Прошу позволить мне выйти наружу.

– Хорошо. Для первого раза остается Жак.

2

По хронометру прошло два часа с момента, когда мы стали шагать по туманной равнине, а темное возвышение не приблизилось. Николай вознегодовал. Уж не вечность ли добираться к тому чертову сооружению?

– Возможно, и вечность, – спокойно подтвердил Артур. Неизменность очертаний холма скорее нравилась ему, чем вызывала досаду. Если бы новый мир походил на космический, Артур был бы обескуражен. Раз здесь отсутствует перспектива, то возвышение может казаться почти что рядом, а на наш масштаб до него – миллионы километров.

Я обозревал окрестность через ротонные бинокли, оконтуривающие любые предметы, невидимые в оптике. В биноклях не открывалось ни четких линий, ни ясных форм. Невещественным, однако, окружающий мир не был. Мы шагали по почве, как люди по земле, а не как боги по облаку. На все стороны распахивался хоть и однообразно унылый, но все-таки реальный пейзаж – ровный грунт и подобие неба над ним. Правда, и грунт, и небо пропадали чуть подальше в голубоватом мареве, но именно «чуть подальше»: близкое и далекое располагалось одно за другим, это было физическое пространство, в нем можно было передвигаться.

Николай для проверки раза три подпрыгнул – ничего необычного не произошло. Он прихватил с собой универсальный астрофизический приборчик. Сверившись с ним, он объявил, что гравитация тут лишь в два раза слабее земной, прогуливаться можно.

Зато вверх не виднелось ни солнц, ни звезд, а свет оттуда шел. И такой же, даже более яркий свет источала почва. И чем крепче надавливали на грунт ногой, тем сильнее он светился. Холм, похожий на дом, смутно проступал как раз там, где тускло светящийся грунт переходил в тускло светящееся небо.

– Если этот мир лишен пространственной перспективы, то и прогулки здесь бесперспективны! – проговорил Николай и один захохотал своей остроте.

Я предложил отдохнуть. Мы с осторожностью разлеглись на грунте. Мутно светящееся вещество не прогибалось под нашими телами. Оно походило на пемзу. Николай, зевнув, равнодушно сказал:

– Я все-таки настаиваю на своем. Бесперспективное пешее блуждание меня не восхищает.

– Ты, пожалуй, прав: к холму надо добираться не ногами, а более эффективным способом, – согласился я.

Николай живо вскочил.

– Попробуем наши силовые поля!

Он проворно включил ротонный двигатель и мигом исчез. Артур холодно сказал:

– Я как раз хотел предложить воспользоваться двигателем. Но я бы советовал тебе, Полинг, внушить Николаю, что не он капитан экспедиции.

Я ответил, что непременно воспользуюсь дельным советом. Николая и вправду следовало приструнить. На «Орионе» мы называли разъяснение члену экипажа, что он может, а чего ему нельзя, «введением в должность». И в каждом рейсе Николаю «введений в должность» доставалось больше всех.

Артур уже хотел лететь, но я остановил его:

– Мы не знаем, где Николай. Если разлетимся кто куда...

Издали донесся нетерпеливый голос Николая:

– Чего вы копаетесь? Нажмите на кнопку.

– Поехали! – сказал Артур, исчезая.

Я тоже включил двигатель и оказался рядом с Николаем. Артур полетел раньше меня, но прибыл позже. Это черта характера: Артур Хирота бесстрашен, решителен и одновременно осторожен – он включил самую малую скорость.

– Смотрите: настоящий дом и в нем настоящая дверь! – радостно воскликнул Николай.

Я «ввел» Николая в «должность» – он хладнокровно вынес наставление, – потом обернулся к тому, что он назвал домом с дверью.

Это был не дом, а холм, напоминавший геодезический купол. И темное отверстие внизу совсем не походило на дверь. Края отверстия колебались, оно то уменьшалось, то увеличивалось. И по-прежнему такими же размытыми казались очертания купола. Артуру он напомнил живое существо, а не мертвое сооружение: входное отверстие скорее рот, чем дверь. На далеких планетах космоса порой встречаются удивительные и опасные животные. Тем более надо быть осмотрительным в этом мире. Без предварительной разведки не стоит проникать внутрь.

– Не верь рассказам о чудюшках космоса, – возразил Николай. – Мы с Казимежем основательно потолкались среди звезд, но ничего сверхъестественного не обнаружили. И мы защищены! Если это существо, а не строение, его прохватит несварение желудка, когда оно заглатывает нас. Я попробую влезть.

Пришлось прервать их спор:

– Первым пойду я. У меня, по крайней мере, одно важное преимущество перед Николаем – я осторожен.

Я неторопливо обошел весь купол, потом долго изучал отверстие – прощупал силовыми линиями, просветил жесткими фотонами. Края дыры все так же тихо колебались: не было заметно, чтоб мои действия что-либо изменили.

– Пока все в порядке. Теперь заберусь внутрь. – Я пролез в отверстие, осмотрелся и, пораженный, крикнул товарищам: – Вот так чертовщина! Идите же сюда!

3

– Сколько отверстий в куполе? – спросил я, когда они пролезли в обширное, тускло освещенное помещение.

– Одно, конечно, – уверенно сказал Николай. – Я обошел снаружи все сооружение – других входов нет.

– Ты плохо смотрел! – Я обвел рукой внутренность купола.

– Выходов шесть. И взгляните наверх.

Николай восторженно свистнул. Потолка внутри купола не было. Кольцеобразная самосветящаяся стена наверху неумовимо пропадала. Над помещением нависало то же тускло мерцающее небо, что и снаружи. А по периметру стены, симметрично расставленные, темнели шесть одинаковых отверстий – через одно из них мы только что пробились.

– Готов поклясться, что вход был лишь один! – воскликнул Николай, когда обошел все кольцеобразное помещение.

– Вход один, – подтвердил Артур.

– Вход один, выходов шесть, – подвел я итоги. – Снаружи видна крыша, внутри нет потолка. Сооружение запутанное...

– Предлагаю обследовать каждый выход поочередно. Начнем, например, с этого. – Николай показал на одно из отверстий.

Я попросил Артура отметить отверстие. В его походной сумочке всегда имеется набор светящихся красок и кисти. Он нарисовал у выхода солнечно сияющее круглое лицо, а под ним девятилучевую звезду и сам залюбовался своим рисунком. Я попробовал стереть его, но краски прочно въелись в грунт. Успокоенный, я направился к этому выходу. Друзья следовали за мной.

Через минуту мы очутились в новом мире, мало напоминавшем тот, что оставили у входа в купол. Правда, и здесь самосветящееся тусклое небо неразличимо сливалось с самосветящейся почвой. Но почва отчетливо отделялась от чего-то многоцветного и яркого: скорей всего, то было море, но море света, а не жидкости. И мы вышли как раз на берег этого светового моря, столь ярко отличавшегося от тусклой суши (употребляю это словечко «суша» просто потому, что не могу подыскать более точного).

Некоторое время мы, не двигаясь, рассматривали развернувшийся перед нами пейзаж. На серую почву накатывались синие волны, на волнах вздымались оранжевые гребни, разгорались, накаливались до белизны и рушились, погасая в темно-вишневой тусклости. На ярком море бушевала цветовая буря. Фиолетовое в глубине, оно непрерывно рождало сияющие синие волны и обваливалось ими на бесстрастно однотонный берег. А вдали разбушевавшиеся краски тускнели, и блекло-оранжевое море сливалось с таким же блекло-оранжевым небом.

Признаюсь, я с большим недоверием наблюдал красочный прибой светоморя. В галактических странствиях приходилось испытывать приключения и пострашнее оптических эффектов. Но здесь тревожила мысль, что мы в совершенно особом мире, где любое явление не только удивительно, но и опасно. Этот световой бассейн действовал мне на нервы.

– Давайте опять осмотрим купол, – предложил Артур.

Мы осторожно обошли странное сооружение, но снова обнаружили лишь одно отверстие – то, через которое вышли. Николай уверял, что мы стали жертвой оптической иллюзии. В мире, лишенном перспективы, понятия «дальше» и «ближе» утрачивают свой естественный смысл. Всего час назад мы неумоимо шагали к куполу, не продвигаясь ни на шаг. Возможно, и сейчас мы безмятежно покоимся на месте, а наши движения – иллюзия.

– А море? – сказал Артур. – Мы удаляемся от него и приближаемся к нему. Достаточно сделать несколько шагов, чтобы убедиться в этом.

– Море тоже оптическая иллюзия!

– Артур и Николай, войдите в купол и проверьте, все ли шесть выходов на месте и сохранился ли наш рисунок, – попросил я.

Они ушли, а я вскоре увидел, что буря, менявшая цвета моря – «вздымавшая его сияние», написал потом об этом явлении Артур, – стала усиливаться. Из фиолетовой глубины выкатывались уже не синие, а голубоватые валы, на их гребнях вспыхивали желтые воротники. Море разъяренно зеленело, цвета нарождались и угасали все быстрее, становились все ярче. Линия цветового прибоя делалась изломанной – краски его хаотично обрушивались на берег, отлетали назад и гасли. И я поймал себя на тревожной мысли, что усиление бури вполне может

сойти за ответ рассерженного существа на наше неожиданное появление. Настроив дешифратор на цветовую речь, я пытался уловить, нет ли осмысленной информации в перемене красок, но дешифратор не нашел разума в цветовом шквале.

Из купола вышли Николай и Артур.

– Выход один – тот, у которого ты стоишь, Казимеж, – сказал Артур.

Николай, услышав, что я не нашел осмысленной информации в вариациях красок, пустил свой дешифратор на автоматическую запись. «После разберемся!» – сказал он. Артур заметил, что пока мы обнаружили меньше интересных явлений, чем теоретически ожидалось. Почему? На это я имел ясный ответ: мы слишком уж побаиваемся нового мира, который надумали познавать. Ознакомление с любым неизвестным немислимо без риска – к такому выводу приводят галактические странствия. Нет оснований полагать, что в дзета-мире все обстоит по-иному, чем в родном космосе.

– А наша автономия так велика, что превращается в прямую отстраненность. Мы открываем лишь крупные объекты, все прочее ускользает. Схема мира, а не реальный мир – вот с чем мы пока сталкиваемся.

– Тогда ослабим автономность. И пусть каждый сам регулирует отношения с этим миром, – спокойно сказал Артур.

Я отнюдь не был столь же спокойным, а Николай, естественно, энергично поддержал Артура. Впрочем, я колебался недолго. Последующие события показали, что опасность близкого соприкосновения с новым миром была даже больше, чем я боялся, но другого выхода, как испытать это близкое соприкосновение, у нас не имелось.

Соединившись с «Пегасом», я успокоил тосковавшего в одиночестве Жака и сообщил, что мы уменьшаем поток энергии по ротонному каналу.

– Нас размывает! – воскликнул через минуту Николай. – Мы превращаемся в привидения!

Он в восторге замахал руками. Формы становились зыбкими, тела превращались в силуэты. Артур вдруг уменьшился наполовину, а Николай превратился в гиганта – Артур не доставал ему до пояса.

– Изумительно! – крикнул Николай. – Я попробую вырасти еще немного, чтобы вы свободно проходили у меня между ногами. – Он запрыгал, завертелся, но остался таким же.

– Перестань, мы исследователи, а не расшалившиеся детишки! – сказал я и сам уменьшился до размеров Артура.

– Как вы ведете себя, друзья! – с сердцем добавил Артур и еще больше уменьшился – он уже не доставал до колен Николая.

– Не придирайся, Артур! – огрызнулся Николай и стал быстро расти опять. – Что ни сделай – это нехорошо, то плохо!

Он стал таким огромным, что голова его покачивалась на уровне вершины купола, и таким бесформенным, что казался уже не человеком, а цистерной, поставленной на торец. К тому же он весь пульсировал, то надувался, то сжимался, руки, ноги, плечи и голова колебались, словно волосы на ветру.

– Что со мной? – сказал он с испугом. – У меня, кажется, здорово развевается тело? Нет, послушайте! – Он со страхом схватил себя за распухшие колени, лицо его жалко исказилось, нос, длинный и гибкий, выкручивался, как хобот, уши трепыхались. – Слушайте, ветра же нет, а меня треплет, как парус в бурю! Да помогите же, черт возьми!

Как только Николай выругался, он вдруг стал уменьшаться. Теперь он опадал так быстро, словно его перед тем надули воздухом и сейчас воздух вырывался наружу. Одновременно, только медленней, росли мы с Артуром. Вскоре мы стали прежними людьми – резких очертаний, ясных форм, почти одинакового роста.

Ошеломленные, мы молча смотрели друг на друга.

Николай опомнился первый.

– Все в порядке, – сказал он бодро. – В нынешнем нашем дзета-существовании постоянные размеры и формы тел не обязательны. Переменное тело и меняющийся облик – что может быть естественней? – Он заметил, что опять начинает распухать, и поспешно закончил: – Впрочем, не собираюсь этим злоупотреблять! – Начавшийся рост тела оборвался.

– Сдерживай свои душевные порывы! – посоветовал Артур. Голос его, однако, был нетверд. Он помолчал, боязливо оглянулся и продолжал: – Наши размеры здесь, похоже, зависят от эмоций. Поменьше эмоций, побольше разума – такова, видимо, гарантия устойчивого дзета-бытия. Давайте пока только присматриваться и не спешить вмешиваться в местные дела. – Последние наставления он произнес обычным тоном, словно читал лекцию о природе дзета-пространства.

– И в случае опасности усиливаем связь с «Пегасом», – добавил я.

Пока Артур изъяснялся, я успел взять себя в руки.

– Поворот ручки – и уносимся в автономный мирок. При встрече с непредвиденным вообще не снимать руки с регулятора.

Артур слишком спокойно – старался, видимо, не разрешать себе опасных в этом мире бурных эмоций – проговорил:

– Кажется, непредвиденное само ищет встречи с нами. Положите руки на регуляторы, друзья!

4

Непредвиденное возникло хрустальным шаром, катящимся по равнине. Потом, приблизившись, предстало сложной и красочной конструкцией. Оно по-прежнему напоминало шар, но не сплошной, а собранный из кривых трубок, внутри которых мерцало сияние – для каждой особого цвета. От сверкающего шара отходили гибкие отростки, их то втягивало внутрь, то выбрасывало наружу, и они тоже были освещены пульсирующим цветным жаром. Сияние было так сильно, что все кругом озарилось.

Вместе с тем шар был прозрачен – сквозь него виднелись однотонный берег и свирепо атаковавшие его яркие волны моря.

– Штука эта похожа на распатланную голову, – со смехом сказал Николай. – Казимеж, вспомни, встречались ли нам в скитаниях между звездами разгневанные головы без туловищ?

– Существо или вещество? – задумчиво проговорил Артур. – Возможно, существо, и даже разумное. Я бы отошел подальше, чтобы встреча наша произошла возле купола, а не на берегу.

– Настройте дешифраторы поаккуратней! – приказал я.

Мне не хотелось бежать от катящегося шара. В конце концов, мы прибыли в этот удивительный мир, чтобы знакомиться с его явлениями, а не панически удирать от них. Так мы всегда вели себя в космосе, и я не видел оснований отступать и здесь от традиций косморазведки. Я добавил, чтобы убедить Артура:

– Мы легко разговаривали в Плеядах с разумными папоротниками и рыбешками, только выбравшимися из дикости. Постараемся найти общий язык и с этой самосветящейся карака-тицей.

Николай настроил дешифратор на световую речь, она казалась наиболее вероятной. Артур задал еще и гравитационную, и электромагнитную. Я добавил кинетическую – язык механических движений, хотя здесь, где отсутствовала перспектива и постоянные размеры, кинетический язык представлялся наименее вероятным. В общем, мы готовились к исследованию, а не к отпору – в точности так, как действовали раньше в космосе.

В центре шара вспыхивали и гасли острые искорки. На фоне беспорядочно меняющихся красок и яркости искорки казались выражением какой-то системы среди хаоса. Артур обратил на них внимание.

– Если *оно* разумное существо, то мыслит, скорее всего, искрами. Пламенем же, вероятно, выражает эмоции, а не понятия.

– И я так думаю, – отозвался Николай, с любопытством всматриваясь в остановившийся неподалеку шар. – А вот, кажется, и первая расшифровка: «Кто? Кто? Кто?». Вопрос естественный, если прибор не приписывает разумного смысла стихийным импульсам. Сейчас я попытаюсь ответить в том же коде.

Николай засверкал. Теперь и в нем вспыхивали и гасли искорки. «Мы из другого мира, – пытался сообщить он потускневшему собеседнику. – Не бойтесь, мы не сделаем зла».

– Я, конечно, не уверен, что цветовой акцент у меня похож на здешний, – весело разъяснил он нам. Он выглядел счастливым, так ему понравилось, что найден общий язык с первым встреченным дзета-жителем. (У меня и тогда уже появились сомнения, но высказал я их после). Николай говорил: – Возможно, я и путаю кое-какие цвета, но смысл излучений *оно* должно разобрать, если *оно* разумно и язык его уловлен правильно... Что это такое?

В шаре словно бы разразился взрыв. Шар извергал фейерверк пронзительно острых огоньков. Он надвигался, быстро уменьшаясь.

– Осторожно! – крикнул Николай, тоже уменьшаясь. – Кажется, *оно* собирается напасть.

Артур, отступая, уменьшался, как и Николай. Шар, продолжая сжиматься, грозно напирал. Артур потянул за руку Николая, и не подумавшего отходить. Николай сердито вырвал руку:

– Мы же не дали повода для агрессии!

– Замолчи! Ты увеличиваешься! – предупредил я.

Николая разносило. Он взвизгивал вверх и *разбегался* в стороны. Быстро пронесясь *сквозь* прежний облик поставленной торчмя цистерны, он превратился в холм, вознесшийся над куполом.

Размытый, тускло мерцающий, Николай зыбко закачался над шаром. Шар, охваченный диким пламенем, ринулся в центр сумбурной фигуры, в которую превратился Николай. Наперез шару бросился Артур. Сияющие отростки шара хищно перехватили раздувшегося на бегу нашего теоретика. До меня донесся его призыв о помощи.

Я рванул рукоять ротонной защиты. Безобразно бесформенная фигура опала, превращаясь в прежнего сухопарого Николая. Прежнюю форму обрел и Артур, корчившийся от боли у ног Николая. А шар, точно сдунутый ветром, отлетел к морю и так исступленно засветился, в нем так вдруг заметались вспышки и выплески света, словно он надрывно зывал к спасению.

Светоморе, бушевавшее у берегов, вдруг погасло, черная пелена заволочла поверхность. А затем разразилось вулканическое извержение света. Из недр вынесся оранжево-золотой столб, он выкручивался дугой над берегом, прямо в него летел, смятенно сверкая, шар.

– Заглодало! – с ужасом проговорил Николай. Световая дуга ярко вспыхнула, когда в нее угодил шар.

– Кажется, и нам готовят сюрприз! – поспешно предупредил вскочивший на ноги Артур.

Он схватил за плечо Николая и рванул его подальше от моря. Я помедлил немного, не спуская руки с регулятора ротонной защиты.

Светящийся столб втягивался обратно. Но море, словно разбуженное, пришло в движение. Если раньше на его поверхности ходили световые волны, сияющим прибором бывшие у берега, то теперь светоморе взрывалось изнутри, извергало смерчи сияния, они быстро перемещались вдоль берега и опали, погасая. С каждым новым выплеском смерчи становились пламенней и многоцветней. А затем началось то, чего опасался Артур. Новые пылающие столбы уже не обрушивались обратно в море, но огромными шеями выгибались над берегом.

– Оно, по-видимому, собирается теперь закусить нами, – с интересом констатировал Артур.

Он успокоился быстрее меня и Николая. Его уже больше занимали дзета-диковинности, чем дзета-опасности.

– Не будем раздражать вражеского аппетита, – сказал я. – Отступаем к куполу. Я на всякий случай еще усилю защиту.

Мы отходили ко входу в купол, а жадно сияющие шеи тянулись, отталкивая одна другую. На концах их набухало пламя, пышущие жаром пасти готовились нас заглотать. Первым вскочил в отверстие Артур, за ним вбежал Николай. Когда проник внутрь я, темное отверстие жарко вспыхнуло – одна из хищных шей последним усилием пыталась ухватить ускользящую добычу. Вспышка тут же погасла: я повернул рукоять регулятора еще на деление.

– Интересный мирок! – сказал Николай, облегченно засмеявшись. – Вдоль такого моря спокойно не погуляешь! Голодный зверь, а не милый пейзаж – вот что оно такое!

Я осмотрелся. Те же шесть выходов симметрично темнели по периметру. Загадка превращения шести в единицу занимала меня отнюдь не меньше, чем вопрос, живое ли существо хищное светоморе.

– Возвратимся на «Пегас» и посоветуемся, – предложил я.

5

В салоне, сбросив защитные костюмы, мы осмотрели Артура. Он был основательно обожжен, несмотря на защитный скафандр. Так мы впервые узнали, что скафандры, казавшиеся в космосе столь совершенными, здесь действуют отнюдь не так безукоризненно и надежной защитой может быть только ротонное поле.

– Могло и хуже быть, – сказал я. – Надо быть осторожней, друзья. Это касается прежде всего тебя, Николай, но и все мы не должны забывать, что любое неведомое может быть опасно.

Помню свое состояние: я испытывал удовлетворение от того, что странные знакомства в новом мире окончились благополучно. Природу дзета-мира мы, естественно, досконально не постигли, но явных опасностей избежали. Это, я считал, уже немало. Артур выглядел недоумевающим. Не знаю, чего он ждал, я еще на Латоне смотрел его записку о трансмировом рейсе, там он высказывался весьма осторожно. Допускаю, впрочем, что не все свои ожидания он объявлял открыто. Он не похож на Николая, немедленно доводящего до всех свои мысли и чувства.

– Посмотрим, Казимеж, будет еще время, – неопределенно высказался он и пошел помогать Николаю.

Николай расшифровывал записки: передавал на корабельную МУМ – почему-то этот внушительный аппарат, специально разработанный для «Пегаса», командующий всеми нашими автоматами, называют стандартно: «Малая Универсальная Машина» – все, что зафиксировали переносные приборы. МУМ, конечно, справляется с задачами и потрудней, чем декодирование световых вспышек, если только в них таится хоть молекула смысла. И Николай, неоспоримо, астроинженер незаурядный, а расшифровка загадочных сигналов всегда была предметом его особого увлечения. И все же я без доверия отнесся к тому, что он и Артур объявили итогом своей работы. По их вычислениям шар, ринувшийся на Николая, разумное существо, а не диковинное явление неодушевленной природы. И цветность вовсе не главная особенность его языка. Речь совершалась электромагнитными вспышками в широком диапазоне от гамма-лучей до инфракрасного излучения – искорки были лишь малой частицей речевой области. Само оно, привыкшее к обширному языковому спектру, должно было воспринять ответы людей как невнятное тусклое бормотанье. Вряд ли бурно пылающий незнакомец отчетливо

разобрался в том, что ему высвечивал Николай, – возможно, здесь одна из причин его агрессивности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.